

ГЕРМАНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.А. Гилязов, доктор исторических наук

Во время Второй мировой войны нацистская Германия провела масштабный и авантюрный эксперимент в попытке организовать военное и политическое сотрудничество с представителями тюрко-мусульманских народов СССР¹. В составе германского вермахта были созданы так называемые Восточные легионы, в основном из советских военнопленных². Предполагалось, что эти военные соединения будут можно использовать в борьбе против СССР, поскольку тюрко-мусульманские народы по мнению немецких ученых, политиков и дипломатов считались «естественными» врагами русских. У этого «эксперимента», который закончился полным крахом, были свои конкретные причины и основания, и история коллаборационизма в период Второй мировой войны является темой многосторонней и очень актуальной, прежде всего, с точки зрения правильного понимания содержания и значения Второй мировой войны³. Причем военный и политический коллаборационизм имел место практически в каждой стране, с которой столкнулась нацистская Германия. Весьма важно при этом представить, каково же было отношение Германии к

нерусским народам в довоенное время. Понятно, что в Европе, в целом, и в Германии, в частности, СССР представлялся больше как русское, славянское государство. О тюркских, мусульманских народах знания были весьма поверхностными, и в отношении их существовали многочисленные стереотипы. Не следует также забывать, что до начала Второй мировой войны у германского военного и политического руководства не было никакого намерения сотрудничать с представителями восточных народов. Предполагалось, что победа в войне будет достигнута исключительно руками самих немцев.

Одним их главным объектом для изучения и наблюдения нацистских теоретиков и практиков в довоенное время, а также и на начальном этапе войны становилась эмигранты из СССР, проживающие не только в Германии, но также и в других странах Европы и Турции. Их потенциал изучался в предвоенные годы довольно внимательно.

Представители тюрко-мусульманской эмиграции в Германии в 1920–1930-е гг. были немногочисленны: после экономического кризиса 1920-х гг. и политических изменений 1930-х гг. большинство

их авторитетных лидеров проживало в Турции. Особенно после прихода к власти нацистов отношение к эмигрантам в Германии было неоднозначным. Свой, чисто «практический» интерес к ним, понятно, имела тайная полиция – гестапо. Например, в июне 1936 г. гестапо направило запрос в Семинар по восточным языкам Берлинского университета относительно некоторых публикаций крупнейшего лидера татарской эмиграции Гаяза Исхаки⁴. В сентябре того же 1936 г. гестапо заинтересовалось личностью сотрудника Министерства иностранных дел, татарского эмигранта Алимджана Идриси⁵, когда он должен был принимать визитера из Москвы и информировать об этом полицию. Заодно при этом была проверена «надежность» самого Идриси. Он еще должен был доказывать, что он не является «агентом Москвы». Но подобные случаи носили единичный характер, и совершенно не были проявлением планомерного и заметного «политического сотрудничества»⁶. У других структур интерес проявлялся эпизодически.

Заключение советско-германского пакта о ненападении значительно ухудшило статус эмигрантов из СССР в Германии, поскольку обе страны теперь стали «дружественными державами». 25 октября 1939 г. шеф гестапо Г. Мюллер приказал ужесточить контроль над эмигрантскими организациями и лидерами. Хотя роспуск эмигрантских объединений и не предусматривался, но в их

деятельность вносились серьезные ограничения: им было запрещено проведение открытой антисоветской деятельности, масштабных публичных мероприятий (в том числе и разного рода выставок, собраний, митингов, публичных богослужений и пр.), демонстрация своих символов, флагов. Им не разрешалось через прессу, рекламу делать сообщения о своей деятельности. Оставалось только проведение внутренних собраний и культурных мероприятий, но и о них в прессе не должно было быть упоминаний⁷. Конечно, такие запреты были актуальны для наиболее крупных эмигрантских групп в Германии – русских, украинцев, представителей закавказских народов, а тюркские, мусульманские народы в этой стране были скорее представлены отдельными крупными личностями, чем организованными группами. Но это узаконение помогает лучше понять не только лицемерную подоплеку установившихся «дружеских» отношений между Германией и СССР после подписания пакта о ненападении 1939 г., но и общую атмосферу отношения к эмигрантской публике.

Еще более жесткие ограничения в деятельности эмигрантов, но на этот раз совершенно по иному поводу – по поводу начавшейся войны против СССР, последовали 2 августа 1941 г.⁸ Такова ирония судьбы – теперь гестапо видело в них не антисоветчиков, а потенциальных сторонников Советского Союза, советских шпионов! В свое

время следовало преследовать первых, теперь – вторых, и все это в разное время было в одном лице – в лице эмигрантов.

До начала Второй мировой войны определенный интерес к восточным народам СССР, в том числе и к эмигрантам, демонстрировала и национал-социалистская партия.

В конце 1930-х гг. Внешнеполитический отдел нацистской партии (НСДАП) активизировал деятельность по сбору и анализу материалов о будущем противнике. Соответствующее поручение было дано Институту по исследованию России (Rußland Institut), созданному в рамках Высшей школы по изучению зарубежных стран. Координировал эту работу в указанном Институте профессор Герхард фон Менде, автор монографии, посвященной национальному движению тюркских народов Российской империи и СССР⁹. На то время книга фон Менде являлась единственным крупным исследованием в западной историографии по национальному вопросу в СССР. Исходя из своей концепции о перспективности сотрудничества Германии с тюркским миром вообще, фон Менде взялся за дело основательно. В 1937 г. он поставил вопрос о создании в Институте тюрко-татарской библиотеки и привлек для этой цели татарского эмигранта Ахмета Темира, работавшего в Германии над диссертацией¹⁰. Перед Ахметом Темиром были поставлены следующие конкретные задачи: описание книг, полученных для библиотеки; составление

персональной картотеки деятелей науки, культуры, политики из представителей тюркских народов СССР; сбор картографических материалов и демографической статистики о Татарстане и Башкирии. По данным 1940 г. Институт получал четыре тюркоязычных газеты – «Кызыл Татарстан», «Кызыл Узбекистон», «Совет Туркменистаны» и «Коммунист» (Баку). На основании их материалов составлялись ежемесячные обзоры. К тому времени А. Темир в корреспонденции фон Менде именовался руководителем тюрко-татарского отделения Института по изучению России и одновременно докторантом Берлинского университета.

Когда в 1939 г. Имперская служба безопасности (РСХА) начала готовить для различных германских инстанций ежемесячные «Сообщения о положении в Советском Союзе» под грифом «Секретно», то указанные выше лица были активно привлечены к этому мероприятию. В основу сообщений клались материалы периодических изданий, в том числе и местных. При этом не упускался из виду национальный вопрос и в одном из выпусков отмечалось, что «даже в средствах массовой информации, которые специально издаются для национальностей СССР вряд ли можно найти что-либо существенное об их жизни. Орган обкома и Верховного Совета ТАССР «Кызыл Татарстан» пишет при этом, что борьба против буржуазно-националистических элементов будет беспощадно продолжена»¹¹.

4 июля 1940 г. профессор Г. фон Менде отправил руководителю Внешнеполитического отдела НСДАП Георгу Ляйббрандту (в годы войны ответственный сотрудник Министерства по делам оккупированных восточных территорий) полный отчет о проделанной работе. Тогда ему помогали все тот же Ахмет Темир и узбекский эмигрант Вели Каюм-хан¹². Каждый из них должен был обращать внимание на какие-то конкретные моменты: А. Темир, например, в своих ежемесячных обзорах обязательно выделял культурно-политический аспект, а более всего – последствия насильственного перехода тюркских народов на кириллицу, а также обобщал все кадровые перестановки в национальных республиках, что, по мнению фон Менде, «позволяло делать выводы о персональной политике по отношению к тюркским народам». Лишь четыре тюркоязычных газеты для получения сведений обо всех сторонах жизни народов СССР – это было очень мало (на это не раз обращал внимание своего начальства и сам фон Менде). К тому же понятно, что объективность информации, почерпнутой из газет сталинского периода, может быть поставлена под серьезное сомнение. Но работа в этом направлении в Германии велась, отчеты, составленные на основании изучения тюркоязычной прессы регулярно направлялись для сведения в различные инстанции (например, в Министерство иностранных дел)¹³.

Весной 1938 г. профессор Теодор Оберлендер получил задание от шефа абвера адмирала Канариса провести скрупулезное исследование неудач военных кампаний периода гражданской войны в России – походов Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича. В своем отчете Оберлендер выдвинул в качестве двух главных причин неуспеха белого движения, во-первых, полное невнимание к проблемам нерусских национальностей; во-вторых, нерешенность земельного вопроса. Обратим внимание, что национальный вопрос был поставлен экспертом на первое место. Оберлендер отметил в своем отчете, что любое невнимание со стороны Германии к этим двум кардинальным проблемам будет играть только на пользу большевизму, о чем он и предупредил Канариса. Известно, что этот материал был представлен для ознакомления и Гитлеру, однако отклика никакого не получил¹⁴.

На протяжении 1940 г. в рамках национал-социалистской партии при финансовой поддержке МИД был сформирован Восточный отдел (Oststelle) под руководством Георга Ляйббрандта со следующими задачами: «1. Наблюдение за политической деятельностью всей эмиграции из Российской империи и СССР во всем мире. 2. Наблюдение за национальным вопросом в СССР. 3. Наблюдение за деятельностью Коминтерна». В марте 1941 г. Ляйббрандт составил отчет о проделанной им работе и заметил, что отдел подробно изучал прежде всего эмигрантскую

прессу: русскую, украинскую, белорусскую, казачью, грузинскую и различных тюркских народов. Он обратил внимание на серьезные финансовые трудности, которые испытывали большинство эмигрантов из восточных народов, потерявшие после начала мировой войны финансовую поддержку со стороны Польши¹⁵.

Главным германским ведомством, которое обратило внимание на эмигрантов, стало Министерство иностранных дел. Это стало особенно заметно тогда, когда подготовка к нападению на СССР шла уже полным ходом. В апреле 1941 г. началось формирование так называемого «Комитета по России» во главе с советником Георгом Гросскопфом. Согласно плану этот комитет должен был вести основную работу в оккупированных областях СССР. В начале мая 1941 г. в МИД активно обсуждался вопрос о лицах, которые непосредственно будут отвечать за работу с конкретными народами. Речь шла о кавказских, среднеазиатских народах, калмыках, поволжских и крымских татарах. При этом, можно предполагать, шла речь и об эмигрантских лидерах, но в тексте соответствующего документа никаких конкретных кандидатур названо не было¹⁶.

«Комитет по России» существовал скорее только на бумаге. Можно сказать, что реально он создан не был, так как практически все лица, предложенные для работы в нем (например, профессора Г. фон Менде и Оскар фон Нидермайер) довольно скоро были «перетянуты»

другими учреждениями, а МИД постепенно отеснялся от работы на оккупированных территориях Советского Союза. Но работа по сбору информации о конкретных представителях эмиграции, в том числе и из тюркских народов, все же была проведена значительная. Нетрудно предположить, что по должности и по заинтересованности активно привлекался к такого рода деятельности Алимджан Идриси, которого его собственное ведомство также проверило на «благонадежность», на следующий день после начала войны – 23 июня 1941 г. В справке Г. Гросскопфа было отмечено, что Алимджан Идриси, долгие годы работающий в МИД, уже неоднократно «попадал под подозрение своих земляков, но никогда расследования, которые проводили МИД и гестапо, не приводили к какому-либо подтверждающему эти подозрения результату. Господин Идрис смог во всех случаях предъявить на все обвинения свои противопоказания». Поэтому считалось, что его и дальше можно «использовать в консультационных целях»¹⁷.

В результате соперничества между различными инстанциями Германии МИД постепенно отеснялся от работы на оккупированных территориях Советского Союза – это было заметно уже в первые недели войны. Но работа по сбору информации о конкретных представителях эмиграции, в том числе и из тюркских народов, все же была проведена значительная. По поручению руководства 25 июня 1941 г. Алимджану Идриси было

«доверено» составление справки об отдельных эмигрантских лидерах тюркских народов. Проявив исключительную нетерпимость, он назвал большинство из них «сепаратистами», которые стремятся из разных стран прибыть в Германию, чтобы «продолжать свою вредную деятельность». Среди таких лиц Идриси особенно отметил Гаяза Исхаки, Мехмет-Амина Расул-заде, Абдул-Гани Усмана, Ахмед-Заки Валиди, Мустафу Чокай-оглу – виднейших и авторитетных лидеров тюрко-мусульманской эмиграции¹⁸.

МИД скрупулезно изучал представителей тюрко-мусульманской эмиграции на предмет какого-либо практического использования их, но только не в сфере военной: на совещаниях начала июля 1941 г. в МИД было заявлено, что стремление эмигрантов в качестве добровольцев подключиться к войне против СССР необходимо «приветствовать», но «никакого интереса в подобном представительстве» Германия на тот момент не имела. Более развернутые директивы по этому поводу дал представитель Министерства иностранных дел Эрнст Вёрманн 26 августа 1941 г., поскольку обращения эмигрантов в МИД не прекращались: «В связи с развитием событий на Востоке разного рода эмигранты обращаются в МИД и германские представительства за рубежом, предлагая свои услуги по установлению нового порядка в России. В сотрудничестве с этими эмигрантами по данному вопросу нет никакой заин-

тересованности. Следует отвергать такие предложения, особо избегая каких-либо политических обещаний. [...] В ответ на такие предложения необходимо ограничиваться благодарностями и обещаниями учесть их в дальнейшем. Контакты с эмигрантами, которые представляют интерес как информаторы, остаются, как и прежде, желательными»¹⁹. Официально не поощрялось ни военное, ни политическое сотрудничество с представителями эмиграции.

Но в плане сбора информации об эмигрантских группах и лидерах деятельность МИД летом-осенью 1941 г. продолжалась действительно очень активно. 25 июля посол фон Папен из Стамбула дал характеристику на лидеров тюрко-мусульманской эмиграции в Турции, оценив как антигерманскую позицию и взгляды Гаяза Исхаки и Джафера Сеидамета, в то же время рекомендовав для сотрудничества Мехмет-Амина Расул-заде, Саида Шамиля, Барасби Байтугана, Айтека Намитока и др.²⁰

9 августа вновь фон Папен характеризовал Мехмет-Амина Расул-заде, Мирзу Бала, Мир Якуба, Джафера Сеидамета, Мустафу Чокай-оглу, Гаяза Исхаки (о последнем: «убежденный сторонник Польши и Англии, в 1940 г. поехал в Лондон, чтобы посетить Сикорского. Здесь 23 марта 1941 г. выступил в «Турецком культурном объединении» с резко антигерманской речью»²¹).

13 августа тот же фон Папен сообщал о деятельности эмигрант-

ской организации «Милли Туркистан бирлиги» в Турции и о лицах, в нее входящих: Ахмет Карадагли, Азам Огуз, Тахир Чагатай, Заки Валиди, Халим Сабит («казанский татарин, бывший профессор теологии Стамбульского университета, сейчас руководит Турецкой исламской энциклопедией»), Ильхан Мусахай, имам Абдулхай Курбангали, кади Абдуллах Ибрагим²², Алимджан Идриси (Берлин), Осман Токумбет. По мнению посла, «вышеназванные господа из басмачей под руководством профессора башкира Заки Валиди хотели бы отправиться в Германию для ведения пропаганды среди представителей своих народов на русском фронте»²³.

5 сентября 1941 г. очередную и весьма подробную «характеристику» составил А. Идриси²⁴. Профессора Халима Сабита, отмеченного в справке фон Папена, он, как оказывается, знал очень хорошо с давних лет: в 1908–1912 гг. они вместе учились в Стамбульском университете, он являлся «убежденным националистом с твердым характером». О Заки Валиди, его жизненном пути Идриси написал подробнее – как он боролся против большевиков, затем перешел на их сторону, потом вновь рассорился с большевиками и бежал в Среднюю Азию и Турцию. «Теперь, – заключал автор, – в Турции и Германии он больше занимается наукой, чем политикой. Он хороший знаток тюркской истории, но очень честолюбив, стремится создать Башкирскую республику, что-

бы затем занять пост президента этой республики». Имам Курбангали для Идриси был «личностью очень неблагонадежной», Осман Токумбет – «неблагонадежным авантюристом», Абдуллах Ибрагим – «старым борцом восточных тюрков», который успешно пропагандировал ислам в Японии, но для реальных политических дел был уже слишком стар. Вновь упомянуты в документе Гаяз Исхаки и Мустафа Чокай-оглу: «Оба они националистами не являются, а последний к тому же и наполовину русский. Оба они сторонники «русско-еврейского», позднее «польско-еврейского» марксизма и сторонники демократии (это не относится к профессору Заки Валиди), оба являются врагами сегодняшней Германии. В сотрудничестве использованы быть не могут». Идриси рекомендовал МИД пригласить к Мухаррямю Февзи Тогаю (газета «Тесвири эфкяр»), профессору Халиму Сабиту (Сибая), доктору Сибгатулле, профессору Заки Валиди, доктору Ахмеджану Ибрагиму и Мустафе Шакулу.

10 октября 1941 г. с просьбой о предоставлении немецких виз Гаязу Исхаки, Мустежибу Улкюсалу, Эдиге Кирималю и Абдул Хакиму Бали к фон Хентигу обратился турецкий генерал Эркилет²⁵. Из четверых эмигрантских лидеров впоследствии лишь Эдиге Мустафа Кирималь станет заметен в политическом сотрудничестве с немецкой стороной, но уже не под эгидой МИД.

24 ноября 1941 г. посол Рудольф Надольны сообщал фон Хентигу о лидерах тюркской эмиграции в Турции²⁶. Его опять заинтересовали Джафер Сеидамет, Гаяз Исхаки, Мир Бала, которые по сведениям дипломата создали «своеобразный комитет» для осуществления своих политических целей.

МИД собирал информацию не только об эмигрантах, но и по различным актуальным политическим вопросам (чем в довоенные годы больше занимался Внешнеполитический отдел НСДАП). Так, в октябре 1941 г. Г. Гросскопф составил подробную справку о положении религии в СССР, отмечая среди прочего, что в 1928 г. в СССР было закрыто 38 мечетей, в 1929 г. – 96 мечетей в городах и 98 мечетей в деревнях, в 1937 г. – еще 110 мечетей²⁷.

Такого рода информация, собиравшаяся в первые месяцы войны чиновниками германского МИД, можно рассматривать и как пример розыгрыша этим ведомством идеи «пантуранизма» (использование тюркской эмиграции для активизации турецкой позиции с тем, чтобы она скорее вступила в войну на немецкой стороне), и как осторожное зондирование политических возможностей эмигрантов из нерусских народов СССР для возможных будущих контактов. Сведений о них было накоплено немало, но все же практического применения в «восточной политике» они почти не нашли. Большинство реальных лидеров тюрко-мусульманской эмиграции на сотрудничество с

гитлеровским режимом не согласилось. Кроме того, и сам режим к эмигрантам довоенной поры относился с явным недоверием и опаской. Это недоверие в годы войны так и не было преодолено.

По мере изменения военно-политической ситуации ориентиры несколько сместились. Уже в декабре 1941 г. один из ответственных чиновников МИД фон Эрманнсдорф подготовил документ о привлечении русских эмигрантов в зоне германского влияния²⁸. «Хотя привлечение эмигрантов в зоне германского влияния в целом отвергнуто, все же использование русских эмигрантов, которые состоят из основных народов Советского Союза в ограниченных масштабах имеет место», – замечено в справке. В каких же случаях они привлекались: переводчики (вермахт, при организации ТОДТ), в роли полицейских, фабричных рабочих, командиров антипартизанских отрядов, «использование эмигрантов в создающемся рейхскомиссариате Московия, с созданием комиссариата участие эмигрантов будет увеличиваться. Восточным министерством уже подготовлены объемные списки русских эмигрантов, которые в необходимое время будут задействованы в экономике как инженеры, врачи, ветеринары, земледельцы и пр.» Автор документа «предрекал», что «участие русских эмигрантов, способных нам содействовать, весной 1942 г., после занятия новых территорий Советского Союза, значительно расширится». Он не мог предпо-

лагать, что это участие будет расширяться отнюдь не по причине оккупации новых территорий, а по причине вынужденного изменения общей политической линии. В то же время рекомендовалось «оставлять это участие в определенных границах».

Единственной попыткой каким-то образом объединить представителей эмиграции из разных народов СССР для дальнейшего политического использования можно считать только так называемую «Адлониаду» – собрание нескольких десятков эмигрантов в берлинском отеле «Адлон» в конце апреля – начале мая 1942 г. Свою роль в ней сыграла и несколько отличная от общепринятой позиция бывшего германского посла в Москве фон Шуленбурга, который выступал за возможно тесное сотрудничество Германии с представителями старой эмиграции. Он считал необходимым создание «эмигрантских комитетов», которые впоследствии могли бы стать «национальными правительствами». Когда в конце 1941 г. было принято решение о создании Восточных легионов, фон Шуленбург, вероятно, представил, что наступило время и для более тесного сотрудничества с восточными народами. Поэтому в апреле 1942 г. он обратился ко многим виднейшим представителям эмиграции из СССР, пригласив их прибыть для политических переговоров и консультаций в Берлин. В конце апреля начале мая 1942 г. многие из приглашенных действительно появились в столице Герма-

нии. Они разместились в престижном отеле «Адлон», поэтому вся эта акция уже тогда получила наименование «Адлониада»²⁹. Среди участников «Адлониады» были достаточно крупные фигуры политической эмиграции Хайдар Баммат, Саид Шамиль, Али Хан Кантемир (Северный Кавказ), Мехмет-Амин Расул-заде (Азербайджан), представители Грузии Спиридон Кедия, Лео Кереселидзе, князь Дата Вачнадзе, претендент на грузинский престол Ираклий Багратиони. Наряду с ними, среди участников оказались и совершенно случайные люди, настоящие авантюристы, что, по словам П. фон цур Мюлена, придало всей этой акции «окраску экзотического фарса». Авторитетных представителей поволжских татар среди участников переговоров, не было. Состав участников, как видно, был очень пестрым по политическим взглядам: среди них и сторонники «Лиги Прометей», и правые, и левые, и монархисты. «Адлониада» фактически свелась к длительным переговорам между Шуленбургом и эмигрантами по поводу возможностей политического сотрудничества Германии с национальными группами из СССР. Но о переговорах не было официальной договоренности между МИД и Восточным министерством. Розенберг, естественно, очень разозлился на то, что МИД вступил в его «вотчину», переманивал его сотрудников и поэтому поспешил нанести решающий удар по своему давнему сопернику, используя ошибку Шуленбурга.

Поскольку верховное руководство «Третьего рейха» своего отношения к эмиграции не поменяло, Шуленбург изначально рисковал. Конфликт между двумя ведомствами – Министерством иностранным дел и Министерством по делам оккупированных восточных территорий (Восточным министерством) резко обострился. «Адлониада» при этом стала главным аргументом Розенберга.

Ему удалось убедить Гитлера, и 5 мая 1942 г. тот в категоричной форме запретил МИД заниматься вопросами, связанными с оккупированной территорией СССР³⁰. Этот вопрос подробно обсуждался в ставке Гитлера и 8 мая 1942 г.³¹ Но и после того, очевидно, он еще некоторое время сохранял свою актуальность, ибо еще раз и уже окончательно Гитлер дал предписание о разграничении полномочий между МИД и Восточным министерством 28 июля 1942 г.³² Хотя МИДу и были оставлены какие-то полномочия в отношении оккупированных советских территорий (например, при решении международных вопросов, связанных с ними), и заинтересованным ведомствам рекомендовалось обсуждать многие проблемы совместно, пред-

писание от 28 июля 1942 г. означало, безусловно, победу Розенберга. МИД фактически был исключен из реального осуществления любых контактов с народами СССР, как с военнопленными, так и с точными добровольцами, и представителями предвоенной эмиграции. Это, однако, не означает, что отдельно взятые чиновники министерства (например, тот же А. Идриси) не могли поддерживать такие связи, речь идет о ведомстве в целом.

Отношение к представителям политической эмиграции из народов СССР со стороны нацистской Германии накануне и в первые месяцы Второй мировой войны было исключительно противоречивым, непоследовательным и лицемерным. С одной стороны, политики и дипломаты понимали, что эмигрантов можно использовать на своей стороне в борьбе против Советского Союза; с другой – искренне не желали сотрудничать с представителями «неполноценных», согласно нацистской теории, народов. Бесспорно, интенсивные поиски в архивах могут привести к находкам новых источников, которые позволят еще более глубоко рассмотреть представленную тему.

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

- 1 Гилязов И.А. Легион «Идель–Урал». М.: Вече, 2009. 304 с.
- 2 Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М.: Эксмо, 2004. 606 с.; Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ, 2009. 845 с.; Романько, О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: АСТ-Транзиткнига, 2004. 314 с.; Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М.: Издатель Быстров, 2006. 668 с.

- 3 Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: Транзиткнига, 2004. 483 с.; Ковалев, Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 370 с.; Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Росспэн, 2000. 863 с.
- 4 Geheimes Staatsarchiv des Preußischen Kulturbesitz (GSPK), IHA Rep. 208A Seminar für orientalische Sprachen, Nr. 264I, Bl. 187-188.
- 5 См. о нем: Gilyazov, I. Alimcan Idrisi'nin Hayati, in: Kirim 11 (41–44). 2003. S. 82–90.
- 6 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PArchAA), Inland IIg, R 101194.
- 7 Bundesarchiv (Berlin), R 58/1031, Bl. 25–26.
- 8 Bundesarchiv (Berlin), R 58/1031, Bl. 34–36.
- 9 Von Mende, G. Der nationale Kampf der Rußlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion. Berlin, 1936.
- 10 Cwiklinski, S. Wolgatataren in Deutschland des Zweiten Weltkriegs: deutsche Ostpolitik und tatarischer Nationalismus. Berlin, 2002. P. 36; Temir, A. Altmış yıl Almanya (1936-1996): Bir yabancınin gözü ile geziler-araştırmalar-hatıralar. Ankara, 1998.
- 11 PArchAA, Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion, R 101382, Bl. 10.
- 12 Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар, 2002. С.170–175.
- 13 PArchAA, Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion, R 101383.
- 14 Raschhofer, H. Der Fall Oberländer. Eine vergleichende Rechtsanalyse der Verfahren in Pankow und Bonn. Tübingen, 1962. P. 19–20.
- 15 PArchAA, Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion, U.St.S.Rußland I, R 29905, Nr. 24505, 24507.
- 16 PArchAA, Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion, Pol XIII, Bd. 29, R 105196.
- 17 PArchAA, Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion, Pol XIII, Bd. 29, R 105196.
- 18 Zentralarchiv des Bundesbeauftragten für die Unterlagen der Sicherheitsdienstes der ehemaligen DDR – BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 36-37.
- 19 Akten zur deutschen auswärtigen Politik – ADAP, 1918–1945. Serie D: 1937–1941, Bd. XIII: Die Kriegsjahre, 23. Juni bis 14. September 1941. Göttingen 1970, S. 324.
- 20 PArchAA, Ust.S.Panturan, N 311699–311700.
- 21 PArchAA, Ust.S.Panturan, N 311699–311700, Pol. XIII, Allgemeine Akten, Bd.12, N 199756.
- 22 См. о нем: Cwiklinski, S. Abdurreşid İbrahim (1857–1944). Eine Biografie. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie am Fachbereich Geschichte- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin. Berlin, 2012; Turkoğlu, I. Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdurreşid İbrahim (Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları 256), Ankara, 1997; Галимуллин, Ф.Ф. Публицистические произведения Г-Р. Ибрагимова как источник для изучения татарского общественного-публицистического движения (начало XX в.). дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2003.
- 23 PArchAA, Ust.S.Panturan, N 199757–199758.
- 24 PArchAA, Ust.S.Panturan, N 199759–199760.
- 25 PArchAA, Ust.S.Panturan, Ust.S.Panturan, N 311734–311735.
- 26 BStU-Zentralarchiv, RHE 28/88-SU, Bd.1, Bl. 45-46.
- 27 PArchAA, Pol. XIII, Bd.5, R 105169, N 255022–255028.
- 28 ADAP, 1918–1945. Serie E: 1941–1945, Bd. I: Die Kriegsjahre, 12. Dezember 1941 bis 28. Februar 1942. Göttingen, 1969, S. 208–210.
- 29 Dallin, A. Deutsche Herrschaft in Rußland. 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958. P. 145–146; Von zur Mühlen, P. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1971. P. 71–73.
- 30 Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 1949, Bd. XXVII, Dokument 1520-PS, S. 289–290.
- 31 Institut für Zeitgeschichte – München, PS–1520.
- 32 Bundesarchiv Potsdam, R 58/225, Bl. 20.

Сведения об авторе: Гилязов Искандер Аязович, доктор исторических наук, профессор КФУ, директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: gilyazov1958@mail.ru.

Аннотация: *В статье поставлена цель проанализировать взаимоотношения национал-социалистской Германии с представителями тюрко-мусульманских народов, оказавшимися в эмиграции в 1920–1930-е гг. Германское политическое и военное руководство накануне Второй мировой войны изучало возможности политического и идеологического сотрудничества, прежде всего, с нерусскими народами. Отношение немецких политических и дипломатических кругов к эмигрантам было исключительно противоречивым. Оно постоянно колебалось в зависимости от изменения политической обстановки, прежде всего, от взаимоотношений между Германией и СССР в 1930-е – начале 1940-х гг.: из друзей они мгновенно могли превратиться во врагов.*

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Германия, СССР, тюрко-мусульманские народы СССР, эмиграция, коллаборационизм.*

Abstract: The aim of the article is to analyze the relationship of National Socialist Germany with the representatives of the Turkic-Muslim peoples who found themselves in emigration in the 1920s-1930s. The German political and military leadership on the eve of World War II studied the possibilities of political and ideological cooperation, primarily with non-Russian peoples. The attitude of the German political and diplomatic circles toward emigrants was extremely controversial. It constantly fluctuated, depending on the changing political situation, primarily from the relationship between Germany and the USSR in the 1930s and early 1940s: from friends, they could instantly turn into enemies.

Keywords: World War II, Germany, the USSR, the Turkic-Muslim peoples of the USSR, emigration, collaboration.